

СОВЕТСКАЯ ПРОЕКТА

РОДЖЕР КИРАН
ТОМАС КЕННИ

ПРОДАВШИЕ СОЦИАЛИЗМ

ТЕНЕВАЯ
ЭКОНОМИКА
В СССР

Томас Кенни

**Продавшие социализм.
Теневая экономика в СССР**

«Алисторус»

2009

УДК 338
ББК 65.9(2)

Кенни Т.

Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР / Т. Кенни —
«Алисторус», 2009

ISBN 978-5-9265-0694-2

Возникновение и быстрое разрастание в СССР «второй („теневой“) экономики» в период 60–80-х годов привели к развалу социалистической системы в Советском Союзе и странах Восточной Европы, считают авторы данной книги – американские политолог и экономист Р. Киран и Т. Кенни. Сущность "теневой экономики" была глубоко коррупционной и криминальной. Ввиду этого она нашла благоприятный для себя способ "приукрашивания" и "маскировки" такого своего содержания путем безоговорочного разнузданного восхваления "достоинств" капитализма, к тому же в его ничем неограниченных "неолиберальных" измерениях. Как раз этот криминально-"неолиберальный" конгломерат по ходу событий стал играть роль и наиболее активного внутреннего источника неограниченной финансовой поддержки всевозможных акций и кампаний против социалистического строя. Зачастую заправилы "теневой экономики" не только финансировали, но и самым прямым образом руководили действиями такого рода... Книга Р. Кирана и Т. Кенни снабжена большим количеством фактического материала, экономическими выкладками и статистическими данными о деятельности "теневой экономики" в СССР.

УДК 338
ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-9265-0694-2

© Кенни Т., 2009
© Алисторус, 2009

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Роджер Киран, Томас Кенни

Продавшие социализм.

Теневая экономика в СССР

ВСТУПЛЕНИЕ

Авторы данной книги дают себе полный отчет, чем может обернуться обращение к столь сложной и объемной теме. Возможность различных несоответствий между реальным содержанием событий и их отражением способами научного анализа дополнительно усугубляется еще и тем, что сами авторы не были непосредственными участниками или даже свидетелями происходящего. И все же чрезмерная важность проблематики в конце концов подтолкнула их к тому, что известный прогрессивный исследователь США времен «холодной войны» Герберт Аптекер мог бы назвать «испытанием серьезного, углубленного исследования».

Начиная нашу работу, мы считаем необходимым прежде всего помочь читателям избавиться от тех ложных стереотипов и интерпретаций, за которыми, как правило, система формирования общественного мнения Запада старается скрыть правду о подлинной сути событий, связанных с крушением СССР и социализма в нем самом и в странах Восточной Европы.

Одним из таких представлений является, например, широко распространенный взгляд, будто «все происшедшее в СССР за последние годы существования советской власти было полной неожиданностью для всех». По мнению историка Антони д'Агостино, автора данной концепции и книги «Революция Горбачева», изданной Университетским издательством Нью-Йорка, «суть этой неожиданности такова, что ее просто никак нельзя ни понять, ни объяснить с точки зрения каких-либо уже известных основных идейных и политических тенденций в знакомой нам истории развития человечества».

Этим взглядом, в общем, вторят и идеи известного на Западе советолога Александра Даллина.

В своем анализе «Причины распада Советского Союза» (изданном в 1992 г. вместе с другими материалами под общим заголовком «Постсоветские исследования») он тоже уделяет особое внимание реакции мирового сообщества на события, происходящие в СССР. «Народы всего мира – кто с болью, кто с другими чувствами, но все с одинаковым удивлением – наблюдали за процессами уничтожения советской системы и исчезновения одной из самых могучих сверхдержав мира, равно как и самой правящей в течение столь долгих десятилетий коммунистической партии, чья сила и долговечность давно уже перестали вызывать какие бы то ни было сомнения», – пишет он.

Своим собственным путем, но к тому же выводу приходит и Эндрю Мюррей. В исследовании, изданном в 1996 году в Лондоне под заголовком «Третья мировая война», он приводит слова кубинского руководителя Фиделя Кастро, что на протяжении многих лет для миллионов людей по всему свету «Советский Союз являлся чем-то столь же надежным и долговечным, как восход солнца в начале дня. Он был могучей, прочной и сильной страной, много раз доказавшей свою способность выстаивать во всевозможных испытаниях».

Однако как многочисленные спекуляции, так и искренние признания насчет неожиданности развала советского государства и социалистической системы делают возможным появление торжествующих, самых радикальных и даже несколько экзотических объяснений этих событий со стороны исследователей и политиков откровенно правого толка. Для них все происшедшее представляется не чем иным, как «победой капитализма» в так называемой «холодной войне». На этой основе некоторые из них вроде Френсиса Фукуямы, одного из приближенных

советников тогдашних президентов США, даже поспешно объявили о якобы уже наступившем «конце Истории». По их мнению, весь ход событий как бы со всей очевидностью доказывает, что именно капитализм является высшей стадией всего политического и экономического развития человеческой цивилизации.

Миллионы людей в мире, сочувственно относящиеся к Советскому Союзу, конечно, далеко не склонны разделять подобные триумфальные чувства, мысли и аргументы правых. Распад советского государства и разрушение советской общественно-экономической системы были для них событиями откровенно трагической значимости и последствий. Однако они нисколько не поколебали их убеждений ни в правоте марксистско-ленинских воззрений на ход развития человечества, ни в общественно-исторической роли классовой борьбы угнетенных людей и народов мира против корпоративной власти капитала. Не пошатнулась и уверенность трудящихся, борцов за национальное освобождение, участников движения за прочный и подлинный мир, за сохранение жизненной среды на земле, защитников истинных прав человека, в необходимости продолжать эту борьбу. Однако в новой ситуации требуется, прежде всего, углубленное теоретическое переосмысление с позиции марксизма основных практических направлений как нынешнего, так и дальнейшего развития антикапиталистической борьбы за социализм.

Для всех, кто верит в возможность устройства лучшего мира на земле, в котором бы не было капиталистической эксплуатации с бездной социального неравенства, алчности, бедности, невежества и бесправия, разрушение Советского Союза стало, конечно, трудновозместимой потерей.

Разумеется, у советского социализма были свои проблемы. О них еще пойдет речь далее. В мире имеется немало научных исследователей и политиков, считающих себя деятелями «левой ориентации», которые склонны считать, что советский строй и опыт являются далеко не единственными формами осуществления социалистического идеала. И все же, пока что за всю историю человечества, лишь в Советском Союзе и при его системе увидело свет, впервые в общественной практике, основное условие возникновения социалистического общества, – так, как оно было определено и выдвинуто Марксом. Речь идет об обществе, отвергшем буржуазную форму частной собственности на средства производства, безраздельный диктат так называемого свободного рынка и капиталистической государственной машины, и заменившем их принципиально новой коллективной формой собственности, системой единого централизованного экономического планирования и социалистическим государством трудящихся. Причем только в условиях советского строя был достигнут на практике такой уровень социального равенства и благосостояния населения страны, такие масштабы доступного для всех здравоохранения, обеспеченности жильем, трудовой занятости, всеобщего образования и культуры, какие никогда раньше, да и поныне, не под силу прочим общественным системам и режимам.

Хочется привести еще один короткий перечень успехов и достижений советского государства и строя, который, может быть, некоторым покажется лишним. И все-таки сегодня нам кажется исключительно важным еще раз напомнить о том, что при советском социализме не только были упразднены эксплуататорские общественно-экономические отношения старого строя, но и ликвидирована безработица. В СССР не существовало дискриминации по расовому или национальному признаку, не было унижительной бедности для подавляющего большинства населения. Там невозможно было столкнуться и с удручающим блеском владельцев чрезмерных личных богатств. Зато были практически неограниченные возможности образования, с непревзойденной и по сей день степенью всеобщей его доступности, как и другие пути развития человеческой личности.

Все это оказалось возможным только в силу нелегкого, но, в конечном итоге, оказавшегося исключительно успешным пути, пройденного советским государством за годы его существования. До начала развернутого строительства социализма на долю СССР приходилось

всего лишь 12% объема промышленного производства США. Всего за полвека эта доля возросла до 80%. Примерно за тот же период уровень сельскохозяйственного производства Советского Союза стал равен в среднем 65% сельскохозяйственного производства США, самого высокоразвитого и могущественного капиталистического государства. По данным статистики, общая стоимость потребления на душу населения в СССР по некоторым показателям продолжала отставать от соответствующего уровня США. Однако ни в каком другом обществе, кроме советского, за столь короткие исторические сроки никогда не был обеспечен такой быстрый и решительный рост уровня жизни и потребления практически всего населения страны.

Только законодательство Советского Союза и существующие в нем общественно-экономические условия давали все гарантии полной трудовой занятости всех людей.

Бесплатными и общедоступными были и все формы и ступени образования, начиная с детских садов, начальных и средних школ, включая систему специализированной профессиональной и технической подготовки, и доходя до многочисленных институтов и университетов. Мало того, благодаря широкой сети дешевых общежитий и столовых для учащихся, разнообразных стипендий, оказывалась дополнительная реальная финансовая помощь самим учащимся и их семьям.

В СССР на душу населения приходилось в два раза большее, по сравнению с США, число врачей. Здравоохранение было бесплатным и доступным для всех. Во время болезни или лечения производственных травм за рабочими сохранялись рабочие места, причем эти больничные периоды оплачивались. По данным статистики, к середине 70-х годов в СССР на долю каждого рабочего приходилось в среднем 21,2 рабочих дней отпуска в год. Пребывание в санаториях, домах отдыха и детских лагерях было к тому же либо совершенно бесплатным, либо оплачивалось по символическим ценам.

У профсоюзов существовали реальные права в деле разрешения всех проблем, споров и конфликтов на рабочем месте. Они могли отменять неправомерные приказы об увольнениях и даже обладали правом отзывать руководящих функционеров с занимаемых должностей.

Все цены в стране подлежали государственному регулированию. Цены на основные товары, пищевые продукты и на жилье дотировались крупными субсидиями со стороны государства. Суммы за наем жилья составляли не больше 2 – 3% бюджета среднестатистической семьи, а вместе с платой за воду и другие удобства не превышали 4 – 5%. Возможности получения жилья распределялись в основном в зависимости от потребности граждан. Вместе с тем была, конечно, и практика концентрации в определенных районах соответствующего жилищного фонда, предназначенного для функционеров высшего руководства страны. В повседневной жизни, однако, вполне нормальной практикой считалось, если директора предприятий, медицинские сестры, университетские преподаватели, дворники и рабочие жили рядом, зачастую на одном и том же этаже, в одном и том же доме.

Проводимая правительством политика на всестороннее повышение уровня жизни в стране, как правило, предусматривала широкую гамму мероприятий, направленных на культурное и интеллектуальное развитие личности. Государственные субсидии книжному делу, газетам, сценическим искусствам и т.д. держали цены на их продукцию на уровнях, близких к минимальным. Прямым результатом такой политики являлись, например, многочисленные личные библиотеки, которые часто можно было увидеть и в домах рабочих. По статистике, у каждой семьи в Советском Союзе была подписка хотя бы на четыре периодических издания в год. По данным ЮНЭСКО (специализированной Организации ООН по делам экономики, социальной политики и культуры), граждане СССР читали больше книг и смотрели больше фильмов, чем какой бы то ни было из остальных народов мира. Число посетителей музеев каждый год равнялось почти половине всего населения страны, а общая численность зрителей и слушателей в театрах, концертных залах и на других событиях культурной жизни нередко превышало число всего населения государства. Повышение уровня грамотности и уровня жизни

самых отсталых районов Союза было объектом специальных усилий государственной политики. Целенаправленно поддерживалось развитие собственной культуры более ста отдельных национальных групп и народностей по всей территории СССР. До 1917 года, например, только один из 500 жителей Киргизии мог читать и писать. За 50 лет советской власти почти все население этой республики стало грамотным.

В своем труде «Состояние и перспективы развития классовой структуры советского общества» социолог из США Альберт Шимански делает анализ целого ряда исследований западных ученых, посвященных советской политике в области доходов, их распределения и состояния уровня жизни в стране. В ходе своей работы он пришел к выводу, что признанные и известные представители искусства и литературы, профессора и ученые, а также высшие руководители страны составляют категорию наиболее высокооплачиваемых слоев и групп населения. Однако потолок их доходов не превышал 1200 – 1500 рублей в месяц. В то же время зарплата высокопоставленных государственных служащих составляла около 600 рублей в месяц. Директора предприятий получали 190 – 400 рублей, а рабочие в среднем – около 150 рублей.

Стало быть, уровень наибольших доходов в СССР был примерно в десять раз выше средних доходов рабочих. За тот же исследуемый период разница в доходах высших служащих корпораций и рабочих в США составляла 115 раз.

Существование социальных различий в советском обществе порождало, конечно, определенные критические настроения. Несомненно, людям не нравились привилегии материального характера для высокопоставленных служащих и руководителей, их магазины и системы специального снабжения товарами, государственные легковые машины, дачи и прочее. И все же существование этих различий было не в состоянии приуменьшить или отменить общую тенденцию развития советского общества в сторону все возрастающего социального равенства и гармонии. (В то же время общее развитие США шло в совершенно противоположном направлении. К примеру, к концу 90-х годов размеры жалований высших корпоративных руководителей превосходили средний уровень зарплаток рабочих уже в 480 раз.)

Конечно, в СССР были свои проблемы в области социальной справедливости и распределения доходов. Они усугублялись и дополнительно обострялись и некоторыми тенденциями к неоправданной уравниловке в трудовом вознаграждении за разный объем и качество труда. О них речь еще пойдет далее.

Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что в историческом плане никакому другому государству, кроме СССР, никогда и нигде не удавалось достичь столь высокой степени социального равенства и гомогенности (однородности по составу, свойствам, происхождению) при одновременном впечатляющем росте уровня жизни практически для всех слоев и групп населения. Решающей предпосылкой для такого развития была экономическая политика советского государства, проводимая в условиях общенародной собственности на средства производства и системы единого экономического планирования.

Существование этих условий и предпосылок делало возможным, например, постоянное применение таких мер в области формирования цен, вследствие которых цены на товары класса люкс, как правило, всегда устанавливались на уровнях, намного превышающих их стоимость. Одновременно с этим, товары первой необходимости всегда и везде предлагались по ценам ниже их действительной стоимости. Таким образом, кроме всего прочего, осуществлялось и своего рода вторичное перераспределение денежной массы и средств более высокооплачиваемых социальных групп в сторону интересов широких слоев населения.

Формирование, функционирование и развитие целого ряда общественных и социальных фондов потребления составляли другую, очень существенную, исключительно социалистическую характеристику собственно экономических рычагов существования и действия системы советского социализма.

С последствиями и результатами существования и действия этих фондов граждане СССР и других стран социалистической общности непосредственно сталкивались буквально на каждом шагу своей жизни. Общественный транспорт и основные продукты питания по символическим ценам, бесплатные и общедоступные здравоохранение и образование, отдых, забота о материнстве и детях, всеобщее пенсионное обеспечение всех граждан страны по исполнению определенного возраста и т.д. и т.п., – все это финансировалось общественными фондами социального развития. Ко всему этому люди в СССР привыкли. Это считалось как бы само собой разумеющимся, на что с течением времени стали обращать все меньше и меньше внимания. Просто брали то, что полагается. А иным этого даже и не хватало. Хотелось чего-то большего...

А нигде в других странах и при других экономических системах ничего подобного никогда не было даже и в помине. Из-за этого *там* о таких вещах довольно скромно старались умалчивать.

Почему-то, однако, об общественных фондах не так уж много говорилось и в самом Советском Союзе. Впрочем, говорилось, в общем-то, немало, но преимущественно в тонах пропагандистских. Надо было что-то сказать в ответ пропаганде Запада, вот и говорили об общественных фондах.

А о них следовало бы думать и писать гораздо глубже и серьезнее, ибо они на самом деле были подлинным историческим «новшеством» экономической системы социалистического общества. Одна из причин недостаточного внимания к ним со стороны советской, да и вообще марксистской общественной мысли, могла заключаться в двойственном и несколько внутренне противоречивом способе формирования и накопления этих фондов.

Оно происходило за счет прибавочного продукта, получаемого в ходе процесса производства. Об этой категории политической экономии социализма тоже почему-то мало говорилось. Иной раз даже шутили: «Вот там, при капитализме, прибавочная стоимость, а у нас тут, мол, продукт прибавочный получается...»

А разница, между прочим, принципиальная и огромная. Прибавочная стоимость при капитализме прямо приводит к непосредственному возрастанию массы капитала. Поскольку капитал является частной собственностью капиталиста, то нет никакой гарантии, что он и впредь будет оставаться в системе непосредственного общественного воспроизводства и будет ее обслуживать. Наоборот, практика показывает, что он чаще всего склонен покидать ее. Он может либо осесть в банке под большие проценты, либо пойти на частное потребление собственника, либо на что угодно.

С добавочным общественным продуктом в условиях социализма это произойти не может. Он прочно остается в системе общественного воспроизводства и разными способами и путями идет вновь и вновь на пользу как обществу в целом, так и непосредственному производителю (рабочему), в частности. К тому же это происходит способами и формами, все более существенно отличающимися от уже известных, преимущественно денежных, средств и механизмов. В этом и проявляется суть социализма как начала перехода человеческого общества и его экономической системы от полного и безраздельного господства товарно-денежных отношений к другому способу общественно-экономической организации, которую классики марксизма определяли как коммунистическую.

Социализм, как известно, положил конец классовому разделению и противоречиям общества старого типа. Он успешно справился с организованным сопротивлением эксплуататорских классов, уничтожил их политическую и военно-полицейскую машину угнетения трудящихся. Социализм упразднил частную собственность на средства производства и на основе общей, коллективной собственности создал систему единого экономического планирования основных производственных процессов.

Вместе с тем, однако, социализм далеко не полностью и не во всем смог обеспечить отказ и отход от всех форм финансово-экономических механизмов, исторически присущих существовавшей до него общественной формации капитализма, с чем столкнулся еще Ленин непосредственно после установления советской власти. Этим фактором был вызван его известный стратегический маневр с нэпом, давший возможность социализму выиграть время и обдумать курс своего укрепления и дальнейшего развития в сфере организации экономики, производства, финансов и т. д.

Без сомнения, Сталин и люди вокруг него тоже сознавали как важность, так и сложность этих проблем, которые не случайно, вместе с вопросами самой политической и идеологической борьбы, неизменно находились в центре внимания большевистской партии и советского государства весь период до начала Великой Отечественной войны. Именно тогда была проделана по-настоящему огромная и исторически значимая работа по созданию и развитию принципиально новых форм и методов хозяйствования и финансовой организации. Они, по сути дела, отмечали ту степень отхода от безраздельного господства товарно-денежных отношений, которая оказалась тогда под силу как советскому строю, так и человечеству в целом.

Одновременно, говоря как о теории марксизма-ленинизма, так и о практике непосредственного социалистического созидания, всегда неизменно подчеркивалось, что на стадии социализма такой отход просто не может быть полным и исчерпывающим. В этой связи вопросом первостепенной важности всегда был и остается вопрос о формах, методах, направлениях и темпах процесса преодоления главенства товарно-денежных механизмов и отношений – при разных сочетаниях общественно-экономических и политических условий.

Кажется, в последний раз всерьез подходил к этим проблемам Иосиф Виссарионович Сталин в своем известном труде «Экономические проблемы социализма в СССР», изданном во второй половине 1952 года. После этого однако, в силу ряда причин и обстоятельств, пути решения проблем и дальнейшего развития социалистического общества и его экономики все чаще начали связывать с «аргументами» и «мерами» о якобы «безотлагательной необходимости» возвращения... к методам и механизмам рыночной экономики и товарно-денежных отношений. К чему данные меры в конечном итоге привели – уже известно, и речь об этом пойдет далее. Пока однако вернемся еще раз к выводам Альберта Шимански, который подчеркивал: «Хотя и бытовало немало мнений, что социальная структура советского общества во многом отличалась от представлений об идеале коммунизма, в ней все же были достигнуты такие уровни подлинного социального равенства, которые были и остаются просто невысказанными в капиталистических странах Запада. Никаких сомнений и возражений не может вызывать обстоятельство, что социализм в СССР и других странах социалистического содружества на деле привел к самым радикальным изменениям в пользу широких масс трудящихся».

Этот опыт, вне всякого сомнения, будет на пользу и всем тем, кто в дальнейшем встанет на путь преодоления товарно-денежных отношений и финансово-экономических механизмов деятельности капитализма и поиска других моделей более справедливого и разумного устройства общества.

Еще более ощутимой и трудновозместимой потерей был распад и исчезновение СССР как гаранта мира, фактора стабильности и прогрессивного развития на международной арене. Советский Союз был решающей силой, противостоящей капитализму и империализму. Его разрушение было равнозначным разрушению той модели развития, которая обеспечивала независимость и отсутствие диктата со стороны Западной Европы и США и к которой стремились немало стран и народов во всем мире. Во многом исчезли и источники непосредственной поддержки движений национального освобождения и ориентации целого ряда государств на социалистическую модель развития общества.

В этой связи особую важность вновь и вновь приобретают проблемы как можно более глубокого выяснения причин и факторов, обусловивших в конечном итоге ход процессов уни-

чтожения СССР и его общественно-экономической системы. Со времени своего «большого триумфа над коммунизмом» в начале 90-х годов пропагандистские центры правых сил Запада пустили в обращение несколько комплексов идей на сей счет.

I. В центре первого такого комплекса заложен тезис о том, что советский тип социализма и его система планового хозяйства просто оказались не в состоянии обеспечить своим гражданам нужного количества и качества материальных благ, в силу чего исчезли и основания их дальнейшего существования.

Вокруг этого основного тезиса вращаются идеи о якобы «изначальных пороках» советского строя», о том, что он был «порожден в насилии» и жил «одним насилием», что он «отрицал всю природу человека» и, уж конечно, был «полностью несовместимым» с самой идеей демократического развития.

Вместе с тем всячески подчеркивается вся «тщетность» исторических усилий создания качественно новой модели общественно-экономического устройства, находящейся под контролем рабочего класса и принципиально отличающейся от всех ранее известных примеров политической и социальной практики. Развал Советского Союза и его системы, таким образом, выдавался неким подтверждением политического идеала правых о якобы «извечной природе капитализма», являющегося «наивысшей доступной степенью» развития цивилизации человечества.

Зачастую этим взглядом правых, вольно или невольно также вторит и ряд научных исследователей и общественных деятелей, которые по традиции причисляют себя к разряду «левых». Как в прошлом, так и ныне, большой удельный вес приходится здесь на долю социал-демократии и ее уклонов.

Хоть и не так рьяно, как правые, но они так же твердят о якобы «глубинно-ошибочной и не подлежащей исправлению и развитию» природе советского социализма, об «отсутствии демократии» и «чрезмерной централизации» его системы. Социал-демократы, в принципе, не отвергают возможность возникновения и развития социалистического общества. Однако вместе с тем они считают, что «неудачи и провал» советского общества во многом отнимают у марксизма-ленинизма его исторические основания быть и впредь руководящим началом возможного движения человечества в этом направлении. По их мнению, будущие варианты социализма должны строиться и развиваться путями и способами, в корне отличными от всего того, что было практикой и работало в условиях советской модели.

Притом социал-демократы, как правило, считают, что так называемые «реформы» Горбачева» не только не были ошибкой, но даже, наоборот, «слишком опоздали».

На практике все это равнозначно признанию «неправомерности» как марксистско-ленинской теории социализма, так и всей борьбы против капитализма в мире за весь исторический период до 1985 года. Возможные «новые формы» возникновения социализма не должны иметь ничего общего с прежним типом социалистического общества, а борцы против капитализма просто должны понять, что «история не на их стороне», и их уделом может быть всего лишь дорога к социальным реформам «мягкого» типа.

Нетрудно заметить, что основное содержание подобных взглядов не так уж сильно отличается от того, что после распада Советского Союза и социалистической системы так рьяно стараются внушить всему миру пока торжествующие представители правых.

Тем не менее вопрос о судьбах капитализма вновь и вновь будет ставиться на повестку дня ближайшего будущего человечества по мере разворачивания и дальнейшей радикализации современных движений против глобализма и с возрастанием общественной активности рабочего класса. Этому будут способствовать тенденции экономического спада в хозяйственной системе капитализма, все более усиливающиеся в наше время, а также обострение таких свойственных капитализму явлений, как безработица, социальное неравенство, разрушение окружающей среды, нарастающая склонность к разжиганию все новых кровопролитных и раз-

рушительных войн в разных районах мира. Однако, несмотря на весь свой несомненный революционный потенциал, антикапиталистические движения современного рабочего класса вряд ли выйдут за рамки узких экономических требований и актов протеста преимущественно морального, анархического или нигилистического характера, если рабочим успешно вдолбят в голову представления о том, что у социализма якобы просто нет реальных шансов для существования.

Все это лишний раз доказывает необходимость и значение той дискуссии, к которой подходим и мы в ходе работы над нашей книгой. Данной работе благоприятствует и то обстоятельство, что с течением времени возрастают возможности более углубленного и всестороннего, подлинно научного исследования и оценки всего периода и всего значения существования советского общества.

С одной стороны, очевидно, сошли на нет все те чересчур оптимистические, «розовые», «бархатные» и какие бы то ни были еще ожидания того, что с якобы наступившим концом «холодной войны» придет эра подлинного мира, благоденствия и безмятежного счастья. В действительности на смену прежней двухполюсной модели политической жизни и международных отношений пришел «новый однополюсный порядок», в рамках которого США всячески стараются в одностороннем порядке навязывать власть и диктат своей военной и корпоративной экономической мощи. На место яркого антикоммунизма недалекого прошлого в качестве основной идеологии капитализма стал современный глобализм.

По его постулатам мир сегодняшний и будущий должен находиться под безраздельным господством считанного количества транснациональных корпораций. Монополия на применение новейших достижений информационных и других современных технологий, по убеждению архитекторов и стратегов «нового мирового порядка», должна обеспечить этим корпорациям как немыслимые до сих пор возможности получения сверхприбылей, так и практически ничем не ограниченную власть над судьбами и жизнью всего человечества. По их замыслам, все прочие звенья мира сегодняшнего и будущего, все национальные государства, движения национального освобождения, профсоюзов, защитников окружающей среды и прочие должны безоговорочно и полностью повиноваться всем требованиям и взысканиям глобализма.

С исчезновением Советского Союза как силы, реально противостоящей капитализму, становилось все явственнее, что в самой системе капиталистического хозяйствования, капиталистического государства будет уделяться все меньше внимания удовлетворению социальных требований широких слоев населения. Пошли процессы и все более жесткого упразднения общественно-государственных секторов экономики, а также кейнсианских и неокейнсианских систем ее регулирования, применявшихся после Второй мировой войны. Это лишний раз выявило всю тщетность ожиданий некоего «третьего» – не социалистического, но и не капиталистического, лучшего, чем они оба, – пути развития человечества. Ныне во всех странах так называемого «демократического мира» основные проблемы экономики и политики повсеместно решаются при непосредственном участии или под давлением идеологии и партий «неолиберального», правого толка. Прямым следствием такого развития явилась новая волна бедности и социального неравенства, которая после 1991 года буквально захлестнула мир, угрожающим образом охватывая все больше стран и все более многочисленные слои человечества.

После разрушения Советского Союза беспощадно рассеялись и все иллюзорные представления о светлых перспективах эры «прочного мира», якобы наступающей после времен «холодной войны». Противно всем ожиданиям преобладающей части человечества, бюджеты военных расходов США не только не выявили каких-либо тенденций к сокращению, но бешеным галопом пошли вверх. Это явилось прямым следствием политики лидеров типа отца и сына Бушей и их сторонников из лагеря правых «либералов», все усилия которых на деле оказались направленными на поиск все новых поводов и оправданий для взвинчивания воен-

ных расходов, разработки и развертывания все более дорогостоящих систем вооружений. Так что не стремление к упрочению мира, а скорее – всевозможные действия по сохранению и даже обострению напряженности оказались в конечном итоге определяющими для политического курса всех администраций США после конца «холодной войны». Этой политике одинаковым образом служили военные акции «против» производителей наркотиков или исламского фундаментализма в разных странах «Третьего мира»; «гуманитарные интервенции» типа тех, что проводились против народов Югославской Федерации; а также всевозможные действия и кампании в связи с якобы нарастающей угрозой со стороны государств, причисленных к «оси зла» (вроде КНДР, Ирана, Кубы и т.д.), продолжающих не считаться с претензиями имперского глобализма на всемирное господство.

Вершиной такой политики стал курс администрации США на непрерывную войну против «международного терроризма», поводом для объявления которого стали взрывы 11 сентября, разрушившие башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Такой ход событий в мире во многом стал причиной для весьма заметного охлаждения восторгов и энтузиазма, овладевших определенными общественными слоями на Западе в связи с крушением СССР и его социально-экономической, политической и военно-стратегической системы. Все чаще стали появляться и более трезвые и объективные оценки роли советского фактора как для мировой истории, так и для общественно-экономических процессов, которые оказывают самое прямое воздействие на непосредственный быт, качество и уровень жизни сотен миллионов людей на Земле.

Масштабы разрушительных последствий установления порядков капитализма прямо-таки бандитско-криминального типа в странах СССР и прежней социалистической системы в Восточной Европе, в свою очередь, тоже привели к заметному спаду энтузиазма, первоначально охватившего там часть населения в годы «перестройки». Всего за десять с лишним лет то, что раньше казалось радужным результатом «демократического преобразования» и «нового возрождения рыночной экономики», обернулось чрезвычайно злой шуткой для подавляющего большинства людей. По данным доклада о программе развития ООН за 1998 год, «ни в каком-либо другом районе мира за период после 1990 года не было отмечено столь явственное возрастание тенденций и явлений открыто регрессивного плана, как в странах прежнего Советского Союза и Восточной Европы. Число людей, проживающих в бедности, выросло там более чем на 150 миллионов, что превосходит общую численность населения Франции, Великобритании, Нидерландов и Скандинавских стран вместе взятых. В этих странах имели место также и самые катастрофические инфляционные процессы в мире за истекший период, что привело к резкому спаду уровней национального дохода в них».

Еще дальше идет в своих выводах известный исследователь Стивен Ф. Коэн. В своей книге «Неудавшийся крестовый поход», вышедшей в свет в 2000 году, он приводит данные о том, что в 1998 году общий объем прежней советской экономики, уже находящийся во владении гангстеров-капиталистов и иностранцев, составлял чуть меньше половины того, каким он был в начале 1990 года. Общая численность мясо-молочного животноводства составляла не больше четверти прежнего поголовья скота. Уровень средней зарплаты рабочих был ниже 50% того, что они зарабатывали раньше. Снова дают о себе знать заразные эпидемические заболевания типа брюшного тифа, холеры и пр. Миллионы детей страдают недоеданием. Средняя продолжительность жизни у мужской части населения упала до 60 лет, т.е. до уровней конца XIX столетия. По словам автора, «развал национальной экономики и ее социальной направленности принял такие размеры, что на практике привел почти к полному исчезновению облика современной цивилизованной страны двадцатого века». По мере таких прямо катастрофических результатов, связанных с так называемым «русским путем капитализма», все более затихали голоса тех, кто особо изощрялся на счет якобы «неизлечимых проблем» социализма советской эпохи.

Последствия разрушения Советского Союза для судеб мира в XX веке, после целых семи десятилетий его победного и успешного развития, по масштабам трагизма просто нельзя сравнить ни с каким другим событием такого рода во всей истории человечества.

Поэтому мы считаем, что изучение процесса разрушения Советского Союза является крайне важным и дает нам достаточно оснований, чтобы приступить к обстоятельному анализу и подлинной оценке как достижений СССР, так и масштабов и последствий всех массивных внешних воздействий, направленных против него.

Глава 1

«ПОДПОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА» В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

В начале главы авторы решили привести три отрывка из разных исследований, посвященных данному явлению в жизни советского общества. Таким образом нам хотелось бы направить внимание читателей как на его основные характеристики и содержание, так и на решающие последствия, которые, по нашему мнению, этот весьма специфический уклад экономики имел на все последующее развитие и судьбу страны.

Ее исследованию посвящено исследование Грегори Гроссмана «Разрушительная самостоятельность. Историческая роль подлинных тенденций в советском обществе» (этот труд стал частью изданного в 1988 году сборника «Тоннель в конце света» в известном своими прогрессивными традициями университете Беркли в США под редакцией Стивена Ф. Козна). Его автор считает, что «расцвет теневой экономики в СССР, наряду с другими, спрятанными за фасадом официальной жизни явлениями, – такими, как злоупотребления и незаконное присвоение определенной части общенародного богатства, коррупция и организованная преступность, – привел в конце концов к парализации и разрушению всей существующей системы. Кульминацией этого процесса стало установление практического контроля с их стороны над деятельностью весьма значительных секторов административно-бюрократического аппарата государства и партии.

Наряду с этим, в разных областях жизни общества происходили процессы серьезного торможения, а иногда даже уничтожения самих механизмов вертикальных связей властных структур на разных «этажах» системы управления. Это совпало со все более ощутимой переориентацией личных (а возможно, и групповых) интересов значительной части правящей номенклатуры на новые, пока что неофициальные, но все более отчетливо проявляющиеся центры богатства и власти. В конечном итоге, в своей совокупности все эти процессы и тенденции имели роковые последствия для самого существования советской системы во всех ее государственно-административных, общественно-политических и международных измерениях.

«Возникновение и быстрое разрастание «теневой экономики» во второй половине 60-х годов привело к углублению экономического кризиса середины 80-х годов и к последующему развалу и распаду советской экономики», – подчеркивают в своей статье с почти таким же названием экономисты Владимир Г. Тремль и Михаил Алексеев. (Она является частью сборника «Экономические изменения после коммунизма», изданного в 1994 году одновременно в Сан-Франциско (США) и Оксфорде (в Великобритании) под редакцией Роберта У. Кэмпбела).

«Становление теневой экономики, с одной стороны, явилось следствием дефицита на рынке определенных товаров, являющихся предметом повышенного потребительского спроса. На первый взгляд, она как будто бы способствовала в определенной степени удовлетворению спроса... Наряду с этим, однако, дефицит некоторых товаров широкого потребления приводит к разрастанию и засилью обособленных групп организованной экономической преступности. Само их возникновение и существование, равно как и все более распространяющаяся и усиливающаяся их деятельность и активность, с течением времени все больше приобретают смысл фактора «более широкой значимости, способного при определенном стечении обстоятельств привести к масштабной дестабилизации всей существующей социально-экономической и политической системы общества». Такую характеристику дает явлениям «теневой экономики» известная советская исследовательница этих проблем Татьяна Корягина, научный сотрудник советского Института экономических исследований.

Наверняка в этой связи будет полезным вспомнить, что у всех общественных идей, в принципе, своя собственная жизнь. Она идет и развивается и по своим собственным, так сказать, внутренним, присущим ей правилам и законам. Иногда по инерции или под воздействием каких-то эмоций, определенных общественных субъектов, у некоторых из этих идей вдруг может обнаружиться способность сохранять или вновь обрести свое «существование» даже после того, как из общества давно уже исчезли все реальные факторы и причины, когда-то способствующие их порождению и первоначальному становлению.

Наряду с этим не следует забывать или приуменьшать значимость того обстоятельства, что в условиях параллельного сосуществования общественно-экономических систем социализма и капитализма вполне естественно было ожидать перехода определенных идей из одной системы в другую. Процессы такого рода, в принципе, всегда имели место. Вместе с тем, в исследуемый нами период велась и чрезвычайно активная, агрессивная деятельность со стороны одной из вышеуказанных систем в целях внушения или даже навязывания определенных, присущих ей ценностей всем остальным странам, народам и обществам в мире того времени.

Так, например, вполне естественному интересу к «возрождению» в 70 – 80-е годы прошлого столетия в США бесконтрольного действия «свободного рынка» и его механизмов, сопутствовала чрезвычайно широкая и многоплановая активность ряда государственных и некоторых специализированных учреждений и ведомств этой страны. Целью такой деятельности являлась не только пропаганда, но и фактическое навязывание идей «свободного рынка» хозяйственному устройству других стран в качестве обязательного для всех способа мышления и практики. Именно тогда имена профессора экономической школы Чикагского университета Мильтона Фридмена и его коллеги из Гарварда профессора Джеффри Сакса, с которыми в «академическом» плане связывалось это «второе дыхание» модели экономического либерализма, приобрели чуть ли не всемирную известность.

В связи с этим следует напомнить, что первое «чрезвычайно успешное» применение идей профессоров Фридмена и Сакса произошло в условиях кровавой военной диктатуры генерала Пиночета в Чили, установленной после преступного антиконституционного переворота и убийства законно избранного президента этой страны Сальвадора Альенде 11 сентября 1973 года. Подлинной причиной для продолжающейся и поныне кампании восхваления якобы имевшей место в годы диктатуры некоей «стабилизации» экономики стало, на самом деле, безоговорочное предоставление иностранным монополиям (преимущественно США) всех значимых ресурсов страны, при установлении режима полного бесправия и ограбления ее трудящихся и народа в целом.

Потом, в тех же «добрых традициях» и при условиях, весьма похожих на те, что были в Чили во времена Пиночета, произошли «рыночные реформы» в Боливии и Аргентине. На том же пути стали искать выхода из экономической стагнации и инфляции и в некоторых европейских странах, например, в Великобритании. Рецепты и модели такого плана разрабатывали даже в Польше времен социализма.

При подобном развитии событий казалось вполне естественным, что интерес к идеям Фридмена и Сакса будет проявлен также и со стороны определенных кругов в Советском Союзе. В плане политическом этот интерес «играл на руку» прежде всего тенденциям социал-демократической переориентации партии и государства.

По нашему мнению, именно здесь главным образом следует искать причины тех насколько неожиданных, настолько и лавинообразных изменений, происшедших в СССР и во всей социалистической системе того времени. Если бы внутри советского общества и самой системы социализма не существовало определенных социально-экономических кругов, проявляющих интерес к моделям развития подобного рода, то вряд ли «чисто интеллектуальное» воздействие и «привлекательность» идей экономики свободного рынка сами по себе смогли бы когда-нибудь привести к столь чувствительным последствиям такого широкого масштаба.

Вряд ли также это могло бы произойти и под воздействием каких-то эмоций, если бы не было вполне определенных социально-классовых интересов неких общественных групп, уже оформившихся организационно и стремящихся к полному и бесповоротному разрушению практически всех компонентов существующей тогда системы социализма.

В годы первых десятилетий советской власти было принято считать, что враждебно настроенные к социализму социальные прослойки такого рода надо искать прежде всего среди определенных кругов крестьянства, а также среди некоторых социально-классовых формирований, интересы которых были чем-то затронуты со стороны новой власти, среди «нэпманов» и других представителей класса бывших капиталистов, добивающихся восстановления своего прежнего, нарушенного революцией социального статуса.

Однако вследствие коллективизации практически все крестьянское население страны стало сельскохозяйственными рабочими, трудящимися в коллективных или государственных предприятиях сельскохозяйственного производства. Ускоренная индустриализация, с другой стороны, привела к становлению многочисленного рабочего класса, занятого в промышленности и проживающего в основном в городах. В силу этого значительно уменьшились, а впоследствии и почти полностью исчезли опасения и представления о существовании в недрах крестьянства некоторого социального базиса возрождения капитализма. Так, если по данным статистики в 1926 году крестьяне составляли 83% населения страны, то в 1975 году на их долю уже приходилось всего 20%. За тот же период общая численность рабочих в промышленности, строительстве и транспорте возросла с 5 миллионов в 1926 году до 62 миллионов в 1975 году.

Однако после 1957 года в недрах социалистической системы начали созреть «гнезда» и другого, уже нового социально-экономического базиса, благоприятствующего восприятию и распространению буржуазных идей. Корни этого базиса вели к таким слоям населения страны, которые тем или другим способом получали возможность развивать деятельность, способствующую их личному обогащению. По сути дела, это были весьма специфические, мягко говоря, способы частно-собственнической деятельности, поскольку они «подкармливались» и вообще существовали преимущественно за счет социалистической экономики и общенародной собственности.

Таковы были основы того явления, которое со временем все чаще стало упоминаться и утверждаться как в научно-исследовательской литературе, так и в жизни самого общества под названием «второй», «скрытой», «теневой» или даже прямо – «подпольной» экономики, складывающейся в недрах советской общественно-экономической системы и функционирующей наряду с основной, первой и законной социалистической экономикой.

Другой важной характеристикой данного явления было то, что носители его как изначально, так и в течение довольно продолжительного периода времени, не выступали неким отдельным общественным классом или хотя бы относительно обособленной социальной прослойкой. По сути дела, они были просто отдельными индивидами, определенной частью обычных граждан, занятых в секторах непосредственного производства как промышленности, так и сельского хозяйства. Но, в отличие от остальных трудящихся, их усилия преимущественно были направлены на изыскание путей и способов использования производственных возможностей и рабочего времени в целях личного обогащения. Нередко, к тому же, определенные виды деятельности данного типа удавалось оформить как «вполне законные». Иные из них, однако, зачастую были на грани закона или даже находились в прямом противоречии с ним.

Так или иначе, с течением времени число людей, добивающихся повышения своих личных доходов и состояния с помощью так называемой «второй», «теневой» или «подпольной» экономики, постепенно возрастало. По ходу дела этот процесс на практике оборачивался все более заметным появлением специфической, первоначально «квазисоциальной» общественной прослойки, которая в дальнейшем уже определенно приобретала статус класса мелкой буржуазии.

Все дальнейшее развитие показало, что появление и развитие данной, по существу, частнособственнической, «второй экономики», паразитирующей на общественной собственности социалистической экономики, вело к утверждению враждебно настроенного к социализму общественного слоя. Мало того, эта «вторая» или «теневая» экономика стала, может быть, наиболее разлагающей и вредной для самого существования социалистического общества «побочной» частью «наследия» правления не только Хрущева, но и позднего Брежнева.

В свое время Ленин неоднократно указывал на всю тщетность ожиданий исчезновения «сразу и навсегда» после политической победы Социалистической революции самой склонности к частнособственнической деятельности. Впоследствии, как известно, Сталину удалось добиться чувствительного ограничения как сфер и масштабов ее применения, так и социально-общественных последствий от него. Однако при Хрущеве, а позже при Брежневе, как это было отмечено выше, под видом «квазисоциальной» деятельности, произошел процесс своеобразного перерождения частнособственнического уклада. Далее явления приобрели столь широкое распространение и развитие, что несколько позже, при Горбачеве и Ельцине, они уже оказались в состоянии подчинить себе и подменить собой даже целые сектора советской экономики, находящиеся в основном непосредственно в отраслях производства.

«Вторая, теневая экономика» оказала чрезвычайно глубокое зловерное воздействие не только на процессы непосредственного функционирования системы народного хозяйства СССР. По сути дела, она стала также и средством возрождения и укрепления частнособственнического способа получения доходов, а наряду с этим – и всей системы капиталистического способа производства и распределения, которую незадолго до этого было принято считать безвозвратно изжившим себя пережитком прошлого.

На самом деле, сущность «второй экономики» глубинно коррупционная и криминальная. Поэтому она нашла чрезвычайно благоприятный для себя способ приукрашивания и маскировки своего содержания, выразившийся в безбрежном, разнузданном восхвалении «достоинств» капитализма, причем в его откровенно эксплуататорских, ничем не ограниченных «неолиберальных» измерениях.

Именно этот, насколько специфический, настолько и красноречивый криминально-неолиберальный конгломерат стал играть роль наиболее активного внутреннего источника неограниченной финансовой поддержки всевозможных акций и кампаний против социалистического строя страны. Сначала действия такого рода шли преимущественно в русле «социал-демократизации» партии и государства. Постепенно, набираясь сил, они все откровеннее стали ставить под вопрос сами основы социалистического строя. Зачастую заправила «теневой экономики» не только финансировали, но и прямым образом руководили кампаниями и действиями такого рода.

К анализу разных сторон общественных последствий существования «теневой экономики» мы будем возвращаться и далее. Однако сначала мы считаем нужным познакомить читателей с имеющимися в научно-исследовательской литературе определениями этого весьма специфического явления общественно-экономической жизни. Рассмотрим также и конкретные формы становления, функционирования и разрастания размеров и масштабов ее деятельности.

В нашей книге мы придерживаемся определения, согласно которому *«вторая экономика» является видом деятельности в сфере хозяйства, направленной на получение частной прибыли и других приобретений как законными, так и незаконными средствами.* Такое определение данного явления мы находим и в изданной еще 1977 году книге Грегори Гроссмана, являющейся, может быть, самым значительным исследованием по этой теме. Примечательно, что большинство выводов Гроссмана в общем плане подтверждаются и большей частью остальных серьезных авторов, работающих в данной области.

Включение как законных, так и незаконных средств достижения основных целей в определение «второй экономики» является чрезвычайно важным для получения верных представ-

лений об основной сущности и всей гамме возможных общественно-политических последствий ее функционирования.

С одной стороны, никакого сомнения не вызывает обстоятельство, что любая деятельность, направленная на личное обогащение частнособственнического характера, неминуемо способствует зарождению общественных отношений и ценностей, в корне отличающихся от отношений и ценностей, присущих основной для социализма коллективной форме хозяйствования.

Исходя из этого, нетрудно предположить, что при определенном развитии событий «вторая экономика» вполне может обернуться источником угрозы самому существованию социализма. В свое время как Ленин, так и его последователи, полностью давали себе отчет в этом, принимая решение о введении «Новой экономической политики» (НЭП) в изнемогающей от экономической разрухи Советской России. На Кубе, очевидно, тоже осознавали возможные опасности такого типа, сопутствующие их так называемому «особому периоду» развития, в ходе которого после 1989 года они старались привлечь больше иностранных инвестиций в свою экономику и добиться ее оживления путем поощрения некоторых видов частной хозяйственной деятельности.

Включение в определение «второй экономики» как законных, так и незаконных средств достижения экономических целей, нельзя автоматически воспринимать как прямое отрицание всего ее содержания. Вполне естественно, например, что основным отраслям народного хозяйства, выполняющим самые ответственные задания жизненно важных для всей страны направлений экономического развития, было невыгодным и трудным даже чисто технически охватить весь объем всевозможных мелких починок и ремонтов, услуг и обмена отдельных товаров, преимущественно личного потребления.

Как правило, деятельность такого рода занимает определенное место практически в любой экономике. Советский Союз в этом плане тоже не составлял исключения. К тому же, за период 1950 – 1985 гг. у объемов законной, чисто экономической деятельности наметилась даже тенденция к снижению их относительной доли. Одновременно с этим имело место значительное расширение как размеров, так и относительного веса незаконной экономической деятельности частного характера. С течением времени такая тенденция оказалась чрезвычайно разлагающей, а в конечном итоге – и прямо уничтожающей не только нормальное функционирование, но и всю систему социалистического устройства общества и хозяйствования.

Входящие в противоречие с установками закона секторы «второй экономики», такие, как «черный рынок» и т.п., не были, конечно, некой «прерогативой» только социалистических стран и обществ. Незаконными видами экономической деятельности в условиях капитализма являются, например, чрезвычайно широко разветвленная сеть проституции, распространение и продажа наркотиков, нерегламентированных лекарств, контрабандных спиртных напитков, способы подделки финансовых отчетов в целях уклонения от налогов и пр. В условиях «сухого закона» в США в первые десятилетия XX века «черный рынок» спиртных напитков приобрел прямо-таки чудовищные размеры. Позже, в годы Второй мировой войны, то же самое происходило с продажей автомобильных покрышек и камер, сахара и других дефицитных товаров широкого потребления, находящихся под регламентацией существующей тогда карточной системы.

В условиях социализма проблемы «черного рынка» могут приобретать сходное или даже еще большее значение и размеры хотя бы в силу того, что тут сам процесс развертывания частной экономической деятельности изначально поставлен в определенные рамки. Кроме того, существуют также опасения некоего дополнительного обострения этих проблем из-за чрезвычайно быстрого роста потребительского спроса в странах социализма, нередко превышающего предложения каких-то товаров и услуг. В определенной степени это можно объяснить тем обстоятельством, что социалистические революции зачастую происходили и побеж-

дали в странах слабо развитых или колониальных, с разрушенной или зависимой экономикой. Ввиду враждебной активности внешней и внутренней реакции таким странам приходилось уделять повышенное внимание проблемам обороны и безопасности, что, как правило, приводит к сокращению объема капиталовложений в производство товаров широкого потребления. При различных обострениях международной обстановки в экономике зачастую приходится вводить карточную систему распределения, появляются очереди за нужными товарами и т.д.

Обычно как раз тогда возрастает и соблазн получения определенных предметов потребления и услуг в обход существующих законов. И чем длиннее список дефицитных товаров, тем изощреннее способы и усилия обойти закон. Как правило, реакция властей на такую практику выражается в повышенном контроле и дальнейшем ограничении возможностей для незаконной экономической деятельности частного характера. Кроме того, в странах социалистической ориентации меры такого рода обычно сопровождаются мерами образовательного и воспитательного характера, разъясняющими людям причины возникновения данных ситуаций.

Как правило, большая часть экономистов в мире весьма спокойно воспринимает существование «черного рынка» в странах со слаборазвитой экономикой, представляя его как что-то более или менее нормальное и чуть ли не само собой разумеющееся для этих регионов. Становление и развитие «второй экономики» в такой стране, как СССР, вызывало, однако, гораздо больший интерес и удивление среди представителей практически всех направлений экономической науки, в том числе и марксистского.

В какой-то мере это можно объяснить тем обстоятельством, что на протяжении довольно долгого времени просто не существовало сколько-нибудь серьезных научных исследований процессов и явлений в данной области. В изданном в 1948 году труде британского марксиста Мориса Добра «Экономическое развитие Советского союза после 1917 года» на этот счет не было сказано ничего. За исключением упоминания двух случаев действий «черной биржи» в 1920 году, проблемам такого рода не было уделено внимания и в вышедшем в 1968 году в Нью-Йорке расширенном и переработанном издании этой книги.

Примерно так же обстоит дело и с экономическими исследованиями в самом Советском Союзе. За исключением Т. И. Корягиной, о которой уже шла речь, до 1980 года практически никто из советских экономистов не уделял сколько-нибудь серьезного внимания изучению проблем, связанных с существованием и разрастанием процессов и явлений «второй экономики». Это, кстати, не выглядит таким удивительным, если знать, что в период после 1960 года во главе трех из четырех ведущих экономических научно-исследовательских институтов в Советском Союзе находились сторонники идей и практики товарно-денежных отношений, т.е. «рыночной формы» хозяйствования. (По данным книги Андерса Асслунда «Борьба Горбачева за экономическую реформу», изданной в Нью-Йорке в 1989 году).

Поэтому не так уже странно и то, что ни в одном из более или менее фундаментальных и известных трудов и исследований советских экономистов, изданных за эти годы, проблемы «второй экономики» и даже само ее существование вовсе не упоминается. В качестве примера можно привести хотя бы произведения Л. Леонтьева «Краткий курс политической экономики» (1974), Г. А. Козлова (ред.) «Политическая экономия социализма» (1977), Г. С. Саркисяна (ред.) «Советская экономика – достижения и перспективы» (1977), П.И. Никитина «Основы политической экономии» (1983); Попова «Очерки политической экономии» (1985) и др.

В своем труде «Экономические проблемы социализма», изданном в 1952 году, И. В. Сталин обращает специальное внимание на продолжительное существование частного производства товаров широкого потребления в ряде более или менее отдаленных от Центра краев и районов страны. Однако у него тоже нет и намека насчет возможных опасностей для судеб социализма из-за существования в его системе элементов частнособственнической экономики. По всей вероятности, это было вызвано чрезвычайно ограниченным распространением явле-

ний такого рода в то время. (Подробная информация об этом содержится в изданной в 1972 году в Нью-Йорке книге Брюса Франклина «Сталин – каким он был»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.